

Начало пути

Дневники
города
дождеи
Виталий Либер

Дневники Города Дождей

Виталий Либер

**Дневники Города
Дождей: Начало пути**

«Автор»

2024

Либер В.

Дневники Города Дождей: Начало пути / В. Либер — «Автор»,
2024 — (Дневники Города Дождей)

В Городе Дождей, где постоянно идет дождь, а туман скрывает его мрачные секреты, Генри и Алисия записывают свои приключения в дневники. Фотограф и искательница опасных развлечений, они сталкиваются с загадочными существами и призраками прошлого. Опасность нависает над каждым углом: плотоядные гусеницы, гигантские слизни и жуткие тени, как будто живущие в самом дожде. Смогут ли герои разобраться в тайнах города и понять, что именно он скрывает? Узнайте из первых страниц книги, где каждый шаг — шаг в неизведанное.

Содержание

Дневник Генри Коуэлла. Запись первая	5
Алисия Гровс. Дневник. Запись Первая	7
Дневник Генри Коуэлла. Запись вторая	9
Алисия Гровс. Дневник. Запись Вторая	11
Дневник Генри Коуэлла. Запись третья	13
Алисия Гровс. Дневник. Запись Третья	14
Дневник Генри Коуэлла. Запись четвертая	17
Алисия Гровс. Дневник. Запись четвертая	18
Дневник Генри Коуэлла. Запись пятая	20
Алисия Гровс. Дневник. Запись пятая	21
Дневник Генри Коуэлла. Запись шестая	24
Алисия Гровс. Дневник. Запись шестая	25
Дневник Генри Коуэлла. Запись седьмая	27
Алисия Гровс. Дневник. Запись седьмая	29
Дневник Генри Коуэлла. Запись восьмая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виталий Либер

Дневники Города Дождей: Начало пути

Дневник Генри Коуэлла. Запись первая

В моем городе всегда идет дождь. У людей кожа бледная-бледная. Даже у меня. Кто-то бледнее, кто-то нет. И все разные внутри. Но снаружи бледные. А я люблю снимать лица. Ну и что, что бледные. Разве от этого они становятся менее красивыми. Вот взгляни – фотография как фотография. Большие голубые глаза у девочки. Красивое платье. Все мне нравится. Она под зонтиком стоит и весьма удивленно на меня таращится. Ну, сфотографировал, ну и что. Да, бываю наглым. Я не считаю, что фотограф должен стесняться. Особенно, в дождливую погоду.

А дождь идет всегда. Только пару недель его нет. Неделю палит солнце, проходит полгода дождя, начинает идти снег. Вот так и живем. Нет, я не жалею. Я привык уже и не помню, как это иначе. Вот так. Без зонта тут никуда. А фотоаппарат – вещь дорогая и редкая, так что, приходится беречь ее. Очень удобно крепить зонт на плече, чтобы не мочило, пока ты караулишь кого-нибудь. А ведь попадают эксклюзивные люди. Сидишь на уроках, сидишь себе, пялишься в окно от скуки и тут на тебе. Или вспоминаешь что. Или видишь в окне фигуру, вскакиваешь и несешься вниз. Ты еще не понял зачем, но сердце то знает, что вот он кадр! Вот это нужно зафиксировать! Пару раз спотыкаешься, может, даже падаешь, одноклассники гогочут, учитель тяжело вздыхает, а ты уже несешься. И вот долгожданный момент. Она... ты искал ее всю жизнь. И в этот миг ты зафиксируешь вечность.

Приходится быть осторожным, чтобы не спугнуть. И наловчился я уже так, что крадусь как мышь. Никто не слышит. И вот эта зависимость, как говорит мой учитель, родители, бабушка, знакомые... в общем, все. Она покоя не дает. Все время что-то ищущу. Влюбляюсь в это. А потом ищущу вновь. Словно головоломку собираешь. А фотоаппарат – твой партнер. Раньше я искал тоже. Но было это иначе. Знаете, как ищешь решение задачи. А даже сложить или вычестить не можешь. В поиске тоже свои инструменты нужны. А потом, случайно, завезли его – моего партнера. Фотоаппарат купил отец у торговцев, что остановились в гавани. Там и взял. Он рассказывает, что долго торговался и, наконец, купил. А когда принес, то думал, а зачем он нужен. Диковина, это ясно сразу. А зачем? И опешил. Я вообще никогда не видел, чтобы отец сомневался или там переживал сильно, конечно бывает. Но тут, он удивленно смотрел на прибор и не мог ничего сказать. Я ему: «А зачем ты его взял?». А он мне не может ответить. Стоит и молчит. Потом он опомнился и сунул мне в руки эту штуковину, сел за стол и зашуршал бумагами. Более странного я ничего не припомню.

Неделю он лежал у меня на столе. Я даже не знал, что это за штуковина. Лежала себе и лежала. Понимаете, как груз, который некуда девать. Я уже думал, положить его в ящик или кладовку, в общем, куда подальше, но передумал. Он имел какую-то особую притягательность, этот фотоаппарат. А я ведь даже пользоваться им не умел. Такая штука здоровенная на столе. Медные вставки и позолоченные болты придавали ему шарм раритетного прибора из музея, но не более. И вот, после недели пролеживания, я взял его в руки. Покрутил, повертел, и уже было хотел положить назад, как он включился и ослепил меня вспышкой. Я чуть было не выронил его из рук! Осторожно перевернул его и взглянул на экранчик, который до этого не замечал. Там я увидел себя, да до того смешно я выглядел, что засмеялся.

Вскоре, я научился им пользоваться. Снимал все. Это стало моей фобией и манией одновременно. Я вообще довольно странный, если смотреть со стороны. Ну, так все говорят. Да и я не глуп, замечаю, что отличаюсь от сверстников. И с этим я тоже отличился, меня на каникулах

словно контузило, я не расставался с ним. Я даже дал ему имя – Стаффи. Почему такое, я не знал. Просто пришло в голову. Ах да, думаю, не стоит распространяться, что первое время я и разговаривал с ним. Сейчас тоже бывает, но реже. На каникулах мы с ним оторвались по полной, я снимал непрерывно. Снимал все, что попадало на глаза. И боялся, что снимки получатся неудачными, боялся, что однажды не смогу снимать, кто знает эти штучки, как долго они работают. Но, знаете, со временем мои страхи развеялись, и я начал искать «красоту». Почему в кавычках? Потому что я искал не просто красоту, а то, что волновало сердце. Ведь есть много красивых вещей, но только одна будет по-настоящему волновать сердце. Да, вот так я начал поиски красоты.

Алисия... я бы рассказал про нее побольше, но не думаю, что сейчас подходящее время, ведь я даже ее не знаю толком. Училась она в нашей школе, но в младшем блоке. Я бы и не заметил ее, если бы она однажды не забрела к нам. А потом я увидел, чем она занимается после уроков, дак у меня аж ком в горле встал. Я понимаю, если бы у парней это случилась. Эта чрезмерная тяга к жестокости. Но у девочки. Не понимаю ее. Скажу одно – завораживает. Все, тушу свет. Остальное потом.

Алисия Гровс. Дневник. Запись Первая

Он меня бесит! Он просто выводит меня! Этот полоумный! За что мне такое! За что!

Я спокойна, я спокойна. Вообще, никогда не любила писать дневники. Но тут подумала, что, вдруг это последний день в моей жизни, хоть какая-то память останется обо мне. Да, первое время будут страдать и плакать, а потом папа будет с любовью перечитывать. Вообще, он у меня моряк и воздухоплаватель, по совместительству. Всегда загорелый, как и мой брат, он редко бывает дома. Все странствует и работает. Ему это нравится, а мне нет. Ох, как я не люблю все эти жаркие страны. Даже тошно становится, когда подумаешь, что там солнце светит круглый год, а дождь только изредка бывает. Не люблю я такие места. Не знаю почему, не люблю и все. Может, потому что выросла здесь, в городе дождей, может по-другому. Да и цвет кожи меня нисколько не смущает. Все равно мы с отцом похожи. Ах, да. Еще я излишне самостоятельная. Прости папочка, если ты читаешь это, но ты сам меня вынудил. Вообще, я бы не прочь оставаться под присмотром, но больно ты меня вольнодумную воспитал. Так что я выгнала прислугу, которая за мной присматривала, на третий день. Я, конечно, заплатила хорошо, но все же не люблю я, когда в доме кто-то посторонний. А ты вернешься еще не скоро, так что мне моя самостоятельность пригодится. Вот если бы ты был рядом, я бы подумала еще, быть самостоятельной или не быть, но коли уж тебя нет рядом, то приходится самой о себе заботиться.

Передай этому плаксе Филиппу, чтобы был смелее. Нужно уже вырастать из слюнявого младенца в мужчину. Да, не мне ему об этом говорить, но я сестра, а сестры многое видят, что не так. И вообще! Как это ты передашь ему, если это дневник, вот если только со мной случится чего, то передашь, а так нет – и не узнаешь об этом.

Вообще, с чего это я вдруг начала писать. Ах... Эта бездарь! Это жалкое создание, что меня выручило! Даже противно о нем говорить. Но рассказать придется, может меня успеют спасти, если и его вместе со мной похитят какие-нибудь уличные идиоты. Он ведь теперь постоянно вертится у меня на хвосте, и все время щелкает этим своим ящиком как сумасшедший. Да почему это как? Он и есть сумасшедший, этот Генри.

А как же все началось? Да очень просто, увидел он меня в его старшем блоке и словно влюбленный теперь за мной следит. Я сначала думала, что это у него пройдет. Но не проходит. Да еще он... Пффф... я ненавижу его!

Что-то меня заносит. Постараюсь не злиться. Ведь злиться нехорошо, не всегда конечно, а когда пишешь дневник. У меня еще рука болит, и она перевязана. Это он перевязал, да так неумело, что она еще больше болит. Вот неудачник! Генри.!!!

Обещаю, больше злиться не буду. Вот допишу, тогда начну. Может дам ему затрещину, когда увижу, а сейчас повременю. Да и зонтик сломался, мой любимый, что ты мне в детстве подарил. Печально.

Так вот, ты, конечно, не знаешь, и знать не можешь, папочка. Но знай, если конечно узнаешь, я все еще переживаю за маму. Хоть я и уверена, что она на небесах. Но мне покоя не дает эта мысль. Я, конечно, могу ошибаться, но уверена – это все поганые слизни! Это на вид они безобидны, а если их как следует разозлить, то накинутся на тебя как чумные. Так вот, в тот день, когда я ехала на метро, и мы нашли зонтик мамы, я видела, как эти гаденыши уползали в разные углы, да так быстро, что было заметно, они в этом замешаны. И я очень злюсь на них за это.

Сейчас я, конечно, не злюсь. Но, как вижу их, сразу начинаю дубасить, что есть мочи. И это у меня хорошо получается. Я так луплю этих сорванцов, что от них мало чего остается, они же из желе сделаны. Вот и ненавижу их, и луплю, и ничего не помогает. Делаю это после

школы, когда никто не видит. И так уже наловчилась, что от них и мокрого места не остается. Ненавижу их!

А вчера этот Генри за мной увязался, я и не заметила его. Думала, что одна. А он приметил, что я его замечаю и был в этот вечер особенно скрытен. Теперь слизней уже не осталось в моем квартале, да и в метро рядом со школой их не было, поэтому я ушла подальше, думала, найду их, порасспрашиваю, а потом накостыляю. Но не тут то было. Наткнулась я на шайку мальчишек, которые несли весьма непристойную чушь. В общем, я уже наподдала нескольким, но они все равно меня заломали. Я и кусалась, и дралась, портфель порвался, да и платье истрепала все. Им меня так просто взять не удалось, я их так исцарапала! Думаю, если бы они меня не скрутили, я бы на них живого места не оставила. Так вот, не буду хвастаться. Знаю, в моем возрасте мне не следовало, вот так разгуливать по незнакомым улицам в одиночку. Но ты же знаешь свою дочь, своевольная она. Да и смелости у меня побольше, чему у братца Филиппа. Ох, как же я злилась, когда они скрутили меня, думала, ну все, конец!

Вообще, в такие минуты. Да не было у меня таких минут, чтобы казалось, будто жизнь кончилась, а тут были именно такие минуты. Я слышана про этих бандитов, но уж никак не думала, что попадусь им в руки, а тем более, разозлю их настолько, что они прямо с ума начнут сходить, как бы меня так повеселее прихлопнуть. И что же ты думаешь? Я уже потеряла всякую надежду и даже смирилась с участью. Ну не совсем, конечно. Я думала, что вот они расслабятся, я с ними и разделаюсь. Так вот, приготовилась я отдать концы и тут вспышка.

Этот придурок Генри, своим поганым ящичком их ослепил, растолкал, схватил меня. Да, да! Представляешь, схватил меня. Я бы конечно вырвалась, но силы меня совсем оставили. А потом, он по неосторожности стукнул меня головой об угол дома. Ох, как же было больно! Посыпались искры в глазах! Представляешь, девушку, да головой и об угол дома. Я думала, умру! Честно– честно! Думала, все, сейчас издохну! Хорошо, что потеряла сознание, а так бы разорвала его на части. Этот психопат Генри! И если ты думаешь, что я благодарна ему, то ошибаешься. Нут кто стучит головой девушку об угол дома!

Очнулась у себя. Он взял у меня из кармана ключ и открыл дверь. И ведь знал, что дома никого нету. Перевязал мне все раны и сидел, ждал, пока я очнусь. Я его послала сразу же, как очнулась, сказала, что если он еще раз окажется рядом, я с него три шкуры сниму. Он улыбнулся. Улыбка была такая противная. Беее! Знаешь, словно он ничего не понимает. Словно доброе дело сделал и радуется.

Через минуту его и след простыл, а я долго не могла уснуть, все злилась. Но поспала хорошо, хоть и раны болят. А зонт, который ты мне подарил, которым я слизней колотила, он сломался! Ну... или типа того. Ведь он там и остался у этих прыщавых юнцов, которых я поколотила. Ах, надеюсь, что ты это не прочитаешь никогда!

п. с. люблю своего папочку.

Дневник Генри Коуэлла. Запись вторая

Теперь расскажу побольше про Алисию. Я не знаю, что у нее с головой, но есть что-то. Начать с того, что она, похоже, наслаждается тем, что ходит и колотит слизней. Они ей никакого вреда не причинили, а она их направо и налево хлещет своим зонтом. Дай ей в руки холодное оружие, она же вскорости всю популяцию уничтожит! А кто позаботится о микрофлоре кварталов? Кто будет чистить и убирать улицы? Кто будет все эти хорошие дела делать? Я вообще удивляюсь, как это еще они на нее не пожаловались – может, слишком глупы? Но ведь соображают нормально, хотя и на всех сразу... Непонятно мне. Но, скажу я вам, фотографии выходят прекрасные! Да, да. Вы не ослышались, фотографии выходят чудо какие замечательные.

Вы представляете, что она вчера вычудила? Пошла в квартал, где ей бы не следовало быть. Там всякое отрепье обитает. Знаете ведь, что эти портовые кварталы, где останавливаются на время, чтобы замести хвосты? Да, там грязь постоянная и люди невоспитанные, да мало ли чего там. В общем, отличное место для поиска приключений. Вот Алисия и нашла себе там приключения. Она, кстати, теперь в оба глаза следит, чтобы я за ней не увязался. Но я знаю, как ее провести. Это не сложно, тем более, у меня колоссальный опыт в слежке за людьми. С тех пор, как мой партнер Стаффи появился рядом, я начал красться как мышь, видеть как орел и прятаться как слизень. Да, да. Поверьте, не хуже!

Ну, дак вот! Алисия вчера наткнулась на шайку подростков, которые ее серьезно поколотили. Не знаю, что бы дальше было. Но я успел ее вытащить оттуда. Правда, мой фотоаппарат – Стаффи, сыграл в этом особую роль. Я раньше за ним замечал, что он непринужденно включается. Знаете, сам по себе. Но вчера он превзошел все мои ожидания, он включил вспышку, да так ярко, что даже я чуть не ослеп. Мне не составило труда смекнуть, что мальчуганы испуганы и ослеплены, и я, схватив Алисию, помчался к ее дому. Да так разогнался. Признаюсь, мне было страшно. Вообще, сложно не испугаться в такой ситуации. В общем, я так разогнался, что треснул ее головой об угол дома. А что вы хотите? Во-первых, я был напуган. Во-вторых, зонт у меня был занят, и вода заливала глаза. И, в-третьих, было довольно скользко. Опять оправдываюсь, обещал ведь, что не буду этого делать. Да, я виноват. Это я ее стукнул головой об угол дома, а не дождик или там испуг. Это сделал я. И я сожалею.

Кажется, она даже не заметила. Да, точно! Я думаю, после такого-то, сложно что-то заметить.

Дома я залатал ее немножко. Ну и досталось же ей! А что бы было, если бы меня не было рядом? Конечно, я не претендую на звание героя. Мог бы и пораньше сообразить, что ей достанется. Но вряд ли она бы послушала меня и повернула назад. А так хоть знать будет. Что-то мы должны на собственном опыте познавать. Ах! Я опять оправдания придумываю. По губам мне! По губам!

Еще она меня поблагодарила в конце. Ага, так, знаете, говорит – спасибо Генри, ты герой! Ой, ну я смущался сильно. Очень сильно смущался.

Да иначе было. Было иначе. Она выставила меня из дому. Характер у нее такой. А что сделаешь? Выставила и даже спасибо не сказала. Я только улыбался. А что еще прикажете делать, я то ожидал, что сейчас слова благодарности посыпятся, а я ей, что постой, не надо говорить, ты еще слишком слаба. Мечты развеяны в прах!

Вообще, откуда такие мечты? Я прекрасно знаю. Пару лет назад выпрашивал я у родителей сестренку или братика. Да хоть кого, хоть бы не так тоскливо было в доме. А то ведь тут можно со скуки свихнуться. Такая махина и пустая. Ну как тут не свихнуться? В общем, ничего не вышло, мечты о маленьком Коуэлле так и остались мечтами. И Алисия сейчас для меня настоящая находка. Было бы классно, если бы она была моей сестренкой. И почему это не так. Вопрос риторический, но почему?

Пойду, попытаю удачу, может она что-нибудь и принесет. Попрошу у родителей сестренку. Кто знает, вдруг в долгосрочной перспективе получится. Было бы ой как здорово! Удачи мне!

Алисия Гровс. Дневник. Запись Вторая

Голова целый день раскалывается. Чертов придурок! Я ему сверну что-нибудь! Точно сверну! Ух, какой нелегкий и тяжелый день... Во-первых, все болит. Лучше бы уже упасть было в канал и захлебнуться там. Меня прямо таки шатает. Может это из-за того, что я устала сегодня? Да... Подожди... папа. Выпью горячего чая, соберусь с мыслями. Что-то мне не по себе...

Уже лучше! Тело ноет, но в голове погода ясная. Что сегодня было! Ты не поверишь! Тебе не кажется, что у меня слишком много восклицательных знаков? А мне кажется! Ну и что же с ними делать? Продолжать!

У меня растянута лодыжка, правая рука порезана в двух местах, на левой руке разбит локоть, с лицом все в порядке, голова ужасно болит, еще бы! Тебя когда-нибудь били головой о каменную кладку? Я очень надеюсь, что тебе не доводилось такого испытывать, дорогой отец. А вот твоей дочери довелось. Ох... кажется, снова начинается. Мне кажется, что дневник начинает переполняться не только восклицательными знаками, но и жалобами. Нужно же рассказывать, что у меня да как! А не ныть!

Война с нытьем!

А восклицалки я оставлю при себе...

Сегодня едва поднялась. Все так ныло, что я еле заставила себя проснуться. Еще раз перевязала раны, какой-то мазью смазала синяки на ногах, переоделась и побрела в школу. Какая на улице чудесная погода! Ты бы знал, я наслаждаюсь нашими дождями. Этот вот уже неделю непрерывно идет, даже туманов не было! Такой теплый, совсем юный, южный дождь. Мне он нравится. Люблю дожди. Но, сегодня у меня не было зонта! Ты представляешь, каково это ходить по городу дождей без зонта? Это премерзко. Вначале, когда ты еще сухой, то мокнуть доставляет непомерное удовольствие, но после того, как вымок до нитки... Совсем никакого удовольствия не доставляет, даже наоборот, отнимает его. И я зашла в лавку к дяде Бенки. Да, да – тому самому Бенки, с которым ты не раз вздорил. Знаешь, он совсем не помнит это. Или не хочет. Я не знаю точно. Вообще, ты-то сам хочешь вспоминать, как вы лихо вздорили?

Так вот, зашла я к нему. А ты сам знаешь, что у него всякого антиквариата навалом. А мне-то нужен был самый обычный зонт, но не хотелось брать обыкновенный, да и магазины все были далеко, только его лавка неподалеку, вот я и зашла. Он встретил меня и даже предложил чашечку горячего шоколада. Знаешь, со мной он гораздо обходительнее, чем с тобой. Даже и не рискну предположить, почему так. В итоге, пока он мне показывал всю свою коллекцию, я чуть не уснула. Он, конечно же обходительный, но обходительный тупица! Столько времени я провела у него, ради одного жалкого зонта! Его же не перебить! Я уже не знаю, как ты с ним уживался. Ведь его не переслушать, а тем более не перебить. Ну никак не выходит! Если только стукнуть его хорошенько. Что я и сделала. Притворилась, что запнулась и как дам ему в бок. Ох он и ныл! Старый нытик! Ох и причитал! Но, все обошлось, я извинилась и предложила перейти к делу.

Кстати, папа. Я же скучаю по тебе, если ты прочтешь это когда-нибудь, то пошли мне воздушный поцелуй, а? Я уверена, что почувствую. И тресни этого олуха Филиппа! Пусть будет мужиком наконец! Надеюсь, он уже перестал бояться темноты? Бедняга!

Ну так вот, он так засуетился, этот Бенки, что сразу же вытащил откуда-то из закров какой-то заплесневелый зонт. Я образно выражаюсь. Зонт был просто раритетным. Знаешь, ручка такая интересная, с какой-то резьбой. Узоры старинные на самом зонте и все золотом вышито. Я так и не поняла, сколько в нем оттенков цветов. Он какой-то странный, вроде и классический, а с другого ракурса взглянешь, и не классический совсем. Я не пойму, что за безумец его делал. Этот Бенки, по доброте душевной, подарил мне зонт. Сказал, что его какой-то

старик забыл лет десять назад и навряд ли ему он уже нужен на том свете. Я не люблю подарки, но этот с удовольствием приняла, тем более, альтернатив никаких не было.

В школе все так паялились на меня, как будто увидели чудовище. Учителя, конечно, спросили, что же случилось, но я сказала, что ничего не помню, просто потеряла сознание. Вообще, они прекрасно осведомлены, что я периодически теряю сознания. Оправдания мне придумывать неохота, поэтому, когда у меня появляются царапины или я начинаю прихрамывать, то говорю им, что потеряла сознание, а когда очнулась, то уже и не помнила о произошедшем. Пришлось, правда, парочке тройке одноклассников накостылять, за то, что они распускали слухи, но зато они теперь такие лапочки. Такие дрессированные. Кстати замечу, зонт идеальный! Им так удобно бить, никаких синяков не остается и отдачи никакой. Мечта, а не зонт! А еще крепкий, хотя и старинный!

Генри сегодня опять пытался меня выследить, но я его подождала за углом и попросила по-доброму, чтоб он уже отвязался. Отец, ты бы видел, какая у него идеальная линия образовалась от удара зонтом. Точно между бровями! Она прямо верх мастерства фехтования! Вершина геометрии! Ох он и стонал! Но насколько я поняла, обещал перестать.

Слабо верится! Вообще, никогда не верь кретинам! Если им в их пустоголовые головы и взбрела какая-то идея, то они с ней добровольно не расстанутся. Ох... и спать-то как хочется...

Сегодня я совсем без приключений. Спокойной ночи, папа. Где ты сейчас... где-то на своем корабле... скользишь...

Дневник Генри Коуэлла. Запись третья

Туман. На город надвигается циклон. Моя голова болит так, словно по ней треснули зонтом. А циклон надвигается, я не люблю, когда туман. Ведь туман – это опасное время и опасное место. Тревога по всему городу, тревога в головах, тревога на лицах. Не люблю этого. А еще в это время очень сложно что-то фотографировать. Вспышка все засвечивает, а туман, он настолько плотный, что и увидеть совсем ничего не удается.

Знаете, вчера Алисия... Короче, мне от нее досталось! Она зонтом прочертила вертикальную борозду у меня между бровями. Я не ожидал, что она так удачно нанесет удар. Это очень, очень, очень болезненно! До сих пор не могу отойти от этого. Родители утверждают, что это зонт. Хотя, я упорно доказываю, что это никакой не зонт, просто синяк от встречи с дверным косяком. Они хотят верить в правду. Ложь их не устраивает. А жаль. Мне бы спокойней было. И не так стыдно. Если бы они поверили во вранье.

И почему они не верят! Ведь можно же постараться!

Ага, и ребеночка они делать отказались. Коварные! Дедушка говорил, что они эгоистично со мной поступают. Но я не обижаюсь на них, это только их дело и пусть сами с ним справляются. Как могут, так и справляются. А второго Коуэлла в доме очень бы хотелось!

Намазал какой-то вонючкой свою рану на лбу. Пахнет преомерзительно! Но, говорят, до завтра синяк исчезнет, что хорошо. Как я появлюсь в школе? Одноклассники и учителя и так посмеиваются, а тут они и вовсе будут рыдать от смеха. В общем, имидж тут очень важен. Хорошо быть странным парнем в классе, а вот избитым – это уже не очень удачный выбор для создания деловой репутации.

Ах, да. Про туман. Говорят, метеорологи конечно, что завтра будет плотный туман. А вы знаете, что во время тумана? Может, если вы не здешний, это будет для вас открытием. Город на время становится не самым безопасным местом. Я говорю про улицы. Вы же знаете про слизней – этих тварей, что убирают город от всякого мусора. Они его перерабатывают, а продукты их жизнедеятельности уходят в канализации. Это выгодно для города – сохраняется чистота улиц, а для слизней – это сытая жизнь. Все рады. Но если бы слизи были единственными обитателями города. Было бы проще, но есть и другие. А вот от них только и жди опасности! Я пугать вас не буду, скажу лишь то, что завтра скорей всего весь день просижу дома. Надеюсь, циклон пройдет мимо, тогда будут новости.

Алисия Гровс. Дневник. Запись Третья

Школу закрыли перед моим носом. Я даже видела, как двери захлопнулись. Вот у меня глаза то округлились, когда я поняла, что происходит. Вообще, двери школы автоматические, а это значит. Это ничего не значит, если ты в безопасности. А если приходит туман... Это опасно! И вообще, нормальные дети читают сводки новостей. Поэтому я, в отличие от моих товарищей, осталась около школы. А сигнал тревоги, который раздался через несколько секунд после этого, вызвал во мне неприятную дрожь. Я редко пугаюсь, но тут. Этот туман... Я не могу понять, он на меня жуть нагоняет. Не потому что он опасный. Дело в другом... Я просто не знаю, что в нем может таиться. Когда видишь врага в лицо, какой бы он не был ужасный, ты знаешь, что у него есть слабое место. А если врага не видишь... как узнаешь, есть ли у него слабые места... мистическая жуть получается!

Я бы даже не отказалась, если бы со мной рядом оказался этот придурок Генри. А его, как назло, не было рядом! Хоть бы один раз пришел вовремя. Да что это я так испугалась?! Даже сама не знаю...

Как только сигнал зазвучал, я увидела за пеленой дождя надвигающийся циклон. Туман плотной стеной скрывал город и стремительно подбирался ко мне. У меня даже коленки затряслись. Да что ты с этой фобией поделаешь! Папочка, я люблю тебя!

Даже сейчас сердце колотится! Я так бежала! А куда не понимала, все двери, всех домов, были заперты. Куда не глянь – ни одного человека. Только этот ужасающий сигнал тревоги и стена... стремительно приближающаяся стена тумана. И тут мне пришло в голову, что не далеко есть заброшенная ветка метро. Туда туман не проникнет и можно отсидеться там, пока циклон не пройдет. Последние несколько шагов я проделала уже в плотной и влажной субстанции, что охватила округу. Свернув зонт, я на ощупь нашла ручку метро, и проникла внутрь.

Было тихо. Как в склепе. От липкого ужаса так и не удалось избавиться. Наверное, так дети себя пугают, когда совсем маленькие. Представишь себе кого-нибудь под кроватью или в шкафу и боишься. А потом уже забываешь, что сам себе выдумал и дрожишь под одеялом. Вот так и у меня. Я аккуратно спустилась по ступенькам метро, оставаться у двери не хотелось, мало ли кто мог заглянуть сюда. Даже думать об этом не хочется, так страшно. Эскалатор был длинный и уже давно не работал, лампочки тускло освещали подземку, и, на удивление, этого хватило чтобы успокоиться.

На старом перроне, по которому уже давно не ходили пассажиры, был рассыпан мусор. Удивительно, почему слизны его не сожрали. Они просто обожают эти обертки от шоколадок. Какое-то пустынное место и пыль везде. Я видела, что рельсы блестят, значит, здесь все еще ходят поезда, но проезжают мимо. В дальнем углу, между входом в туалет и диспетчерской, я заметила решетку, она была отогнута снизу и никакой пыли рядом, словно там недавно кто-то проползал...

Ужас уже совсем отступил от меня, я обнаружила след слизня! Наверное, это крупная особь, потому как брезгует обертками. А если крупная, то более разговорчивая. И если ее как следует поколотить, еще и агрессивная. Ну что же, пойдём по следам!

Я нагнулась и прошла внутрь. Было довольно темно, ведь фонари внутри едва светили, еще хуже, чем на входе. Ох и безрассудная у тебя дочь! Знаю, хоть бы тебе не довелось это читать, папочка! Я на мгновение испугалась, а потом подумала, что если слизень тут живет себе спокойно, то я уж точно смогу за себя постоять! И пошла дальше!

Коридор привел меня к полуоткрытой двери, я осторожно прокралась внутрь и увидела неплохо обставленную комнату. Там были разные удобные подушечки, вышитые различными узорами, похожими на те, что любят мои коллеги по учебе. Немного старинной мебели разбавляло скупость убранства. В самом конце я обнаружила еще одну дверь, совсем маленькую,

как для гномов. Мне никак не могло прийти в голову, что это что-то необычное, я даже не подумала, на кой черт здесь карликовая дверь!

Внутри было темно. Еще темней, чем в коридоре. Я едва различала дорогу. И знаешь что, папочка? Я попалась! Я попалась в ловушку! Если в прошлый раз вместе с моим безрассудством была смелость, то из-за дурацкого тумана она вся улетучилась. Как и не было! И тут-то я попалась!

Из темноты вынырнул человек, походка у него была неестественная, знаешь, как будто он не шел, а летел. На нем был плащ и шляпа. Я попыталась спросить у него, что он здесь делает. А он дал мне пощечину. Знаешь, так, словно был моим другом и позволял себе это каждые пять минут. А потом скрутил мне руки. Ногой пнул по зонту, чтобы он откатился подальше, и заговорил.

– Деточка. Ах, деточка. Ведь ты та самая, что мою вкусную еду делает такой безвкусной. И зачем тебе понадобилось в моем районе уничтожить всех слизней? Я тут с голоду помираю, а она их убивает...

Я попыталась ответить, но он зажал мне рот своей рукой. И тут я почувствовала, что пальцы у него не настоящие, знаете, как из дерева. И тут мне стало по-настоящему страшно. Помнишь, ты мне рассказывал про кукольника, помнишь да? Я поняла, что это и есть эта тварь. Эта премерзость где-то притаилась и сейчас, с помощью куклы, хотела избавиться от меня. Да что там избавиться. Он хотел подкрепиться мной. Не каждый день закусываешь девочками на обед!

– Так вот ты и пришла ко мне в гости. Наверное, подумала, что найдешь себе здесь приключения. Нашла... нашла... Я подозревал, что ты придешь ко мне. Но мне пришлось килограмм двести сбросить, прежде чем я дождался тебя. А ты выглядишь аппетитно. Я вот чего думаю, заглотишь тебя целиком или приготовить. Ты как сама то думаешь?

Сквозь пальцы я начала кричать, что приготовить, приготовить. А он продолжил издеваться.

– Целиком значит... ах, как жаль. А у меня такие приправы припасены. Ты бы прекрасно смотрелась под морейской травой и с перцем, что собирают у излучины... Ведь так? Да что я тебя спрашиваю. Разве ты спец по приготовлению людей, наверное, никогда и не пробовала. Как это глупо с твоей стороны! Вокруг столько людей, лови и ешь, кого захочешь! А вы... все сытые... нос воротите!

Мне бы только на пользу пошло, если бы он подольше поболтал, я бы попыталась удрать, но он собрался не ждать, и начать уже прямо сейчас.

– Ты готова к приготовлению? У тебя платье из чего? Чистый хлопок надеюсь? А то если у меня будет несварение или стул жидкий, ты ведь виновата будешь. Давай-ка в котел полезай.

Одной рукой кукла заламывала мне руки, а другой выдвинула большущий котел. Я кричала, что не хочу. А из темноты кто-то весело смеялся. Как будто, все это было всего лишь удачной шуткой.

Через пару минут я уже сидела по шею в котле и чувствовала запах горячей древесины. Кукла держала меня так, что вода подступала мне ко рту, и кричать было не очень удобно. Но пару ругательств я успела ему отвесить! Ноги начали чувствовать тепло, вода прогрелась, я с ужасом представила, как она закипит! Папочка, одно дело удариться головой об стену – это, по крайней мере, быстро и больно. А другое, ждать пока закипишь! Я еще никогда не хотела так сильно, чтобы вода в котле закипала так медленно! И если бы этот придурок Генри оказался рядом, я бы даже не сильно разозлилась!

Но это было еще не все. Дрова затрещали и я увидела ужасно уродливую гусеницу в углу комнаты, она была сморщенной и все равно оставалась огромной. Ее мерзкие желтые глаза следили за мной и блестели в темноте, как глаза кота, который поймал мышь и радуется, что теперь может показать ее хозяину. Еще я разглядела эти нити, свисающие с потолка, гусени-

ца-кукловод с помощью них управляла куклой. Лучше бы я осталась в тумане! Чем медленно вариться тут в котле!

Я закрыла глаза, ожидая момента, когда этот мерзавец ослабит хватку, но этого все не происходило. Обычно, у людей это срабатывало, а тут... тут гусеница! Вода стала горячей, что было не самым приятным ощущением, которые я ощущала за свою непродолжительную жизнь. И в этот момент я услышала хлопки, и с гневом подумала, что эта грязная тварь в углу начала преждевременно чавкать, предвкушая меня в качестве обеда. Неожиданно раздался голос Генри.

– Выберишься оттуда, чего ты там расселась!

Я открыла глаза и помотала головой, а когда хватка ослабла, мне ничего не стоило засунуть куклу вместо себя и выпрыгнуть из горячего котла. Правда, я обожгла руку о раскаленный край, но это ничего по сравнению с тем, чтобы быть сваренной заживо.

Думать времени не было. Схватив зонт в углу, я присоединилась к Генри, мы колотили эту тварь, а она умудрялась извиваться и еще бороться с нами. Своим хвостом гусеница поранила мне ногу, так что я захромала и присела. Но это не мешало мне колотить ее зонтом. И тут, когда моя ярость стала всепоглощающей, я увидела, что мой зонт светится – это было похоже на раскаленный утюг. И вправду, кукольник начал сильнее прогибаться под его ударами, как будто зонт обрел какую-то силу. Вскоре я уже пробила в гусенице дыру, так что зеленая жижа начала вытекать из ее мерзкого тела. Я даже не додумалась остановиться. И я, и Генри, в итоге, были измазаны этой дрянью! Вот... так... у меня был хороший день, Папочка. Твою дочь чуть не сварили в котле.

А Генри тоже получил – за то, что следил. Станный тип! Наверное, ему просто нравится, когда его бьют!

Все. Я спать. И тебе спокойной ночи. Где ты там плаваешь...

Дневник Генри Коуэлла. Запись четвертая

Вы когда-нибудь получали удовольствие от избиений? А? Вопрос риторический конечно, ведь мой дневник никто не читает. Но ты, невидимый читатель, к которому я обращаюсь. Ты-то получал удовольствие от избиений? Знаешь, как это прекрасно, когда получаешь хорошенько, сразу голова свежеет, и думать начинаешь по-иному. Вот оно как получается то. Так что, призадумайся над моими словами, может, и выдумаешь чего.

На самом деле, как ты догадался, я тоже не получаю удовольствия от избиений. Но вчера, после спасения Алисии. А я в очередной раз ее спас! Мне удалось получить неслыханное удовлетворение, даже несмотря на то, что синяк на лбу не до конца зажил, а я уже успел, от нее же, получить новый! Вот она, настоящая благодарность! Ее ни с чем не спутаешь, она, как правило, хорошо чувствуется. И, как водится, в форме боли! Но я же не о боли сейчас и не о страданиях. Я о другом. Вчера, когда я принес Алисию в Госпиталь. А мне ее пришлось нести на руках! Ведь она повредила ногу. Так вот, когда я принес ее в Госпиталь, то меня назвали братом Алисии и даже сказали, что мы очень похожи. А еще добавили, чтобы я хорошенько следил за сестрой.

Алисия, конечно, хмурилась и молчала. Она несколько утомилась, и ей было дурно от этой слизи, в которой мы хорошенько заляпались. Я был бы рад, если б она однажды назвала меня братом. Вот бы здорово-то было! А вы знаете, что она кинула мне вдогонку, когда я уходил из госпиталя? Ни за что не угадаете! Я бы даже не подумал об этом. Ну, дорогие читатели, напрягайте мозги. Давайте, как? Братик? Нет, нет. От Алисии... Может быть... Поднапрягитесь как следует. Спасибо? Я правильно расслышал, вы подумали, что она сказала мне: «Спасибо»? Нет, и даже не так. Она, даже не повернувшись, кинула мне в след: «Пока, кретин». Как же изысканно с ее стороны!

Нет, я не злюсь. А с чего мне злиться. Ну, с чего мне злиться! Да, есть неприятный осадок. Вы думаете легко пробираться в тумане через весь город? Она же бежит, что не утонишься! Я чудом нашел вход в подземку и едва сумел в этой темноте сохранить тишину. Второй раз испытывать силу удара ее зонтика на своей голове мне не очень то льстило. Я не злюсь что, когда спасаю ее, она меня дубасит. Совсем нет!

Да, вы угадали, я немного растерян. Ну что же такое то. Зато, у меня вышло несколько прекрасных снимков, если бы она увидела себя в котле, вот бы весело было. Надеюсь, она даже не узнает об их существовании. А так чудненькие получились фото. А еще, я узнал, что если взять моего стального партнера Стаффи за кожаные ремешки, то можно неплохо дубасить им гусениц-кукловодов. И даже успешно!

Ну, мне нравятся все эти приключения, и даже опасность. Наверное, в этом тоже есть особая красота. Знаете, статичные объекты тоже снимать занятие довольно веселое. Но это более постановочно, безжизненно что ли. А тут настоящая жизнь. Точнее на волоске от жизни. Но ведь в этом есть особый шарм... Не знаю, как вам объяснить.

Родители сегодня меня отчитали, за то, что я бегаю по улицам, когда за бортом шторм. Но я сказал, что был у подружки. Они оживились сразу. И начали эти шуточки травить, ну знаете, про внуков. Они так отыгрываются на мне. Я им про ребеночка. Они мне про внуков. Беее... Неприятно! А еще посмеиваются. Спрашивают так невзначай: «Ну когда ждать пополнения?». Вот она – доброта и любовь!

А сейчас уже поздно, еще нужно Стаффи отполировать, а то эта слизь гадкая вьелась в него.

Алисия Гровс. Дневник. Запись четвертая

Сегодня циклон вернулся. В доме довольно жутко находиться одной. Было бы хорошо, если бы не было тумана за окном. Но он есть. И жутко. Паршивая погодка! Все время что-то чудится и кажется!

Папочка, ты, наверное, там отдыхаешь, плывешь с этим придурком Филиппом на своем фрегате и даже не знаешь, что тут творится. Ты ему навешай подзатыльник, пусть знает свое место, а то, зная твое мягкосердие, он так и останется девчонкой! И передавай привет этой дрянной солнечной погоде. Скажи, что у нас лучше!

Вообще, устала я. Может это нервы. Хотя, откуда в моем возрасте нервы? Я не так часто нервничаю и переживаю. Ведь так? Да, откуда тебе знать. Ты ведь далеко. Возвращайся поскорей! Ох, ну не хотела же это говорить. Но страшно мне тут. Хоть на стены лезь! Расскажу, что сегодня случилось...

Вообще, я думала – это Генри подшучивает. Он конечно ненормальный, но уж не думаю, что настолько. И тут решилась в это поверить, приготовилась уже, думаю, сейчас я его проучу. Да ничего не вышло. Впрочем, давай с самого начала...

Проснувшись утром, я обнаружила, что зонт лежит не на том месте, где ему следовало лежать. А это значило – либо я луначу, либо кто-то прокрался ко мне в спальню ночью, что не очень то радовало. Я отличаюсь чутким сном, и если бы какой-нибудь идиот забрался ко мне в спальню, то, наверняка, заметила бы это. Но ведь не заметила! Значит, сделала я вывод, я все-таки луначу. Ну что же, в детстве я это делала. Почему бы вновь не начать! Переодевшись и спустившись в кухню, я нашла вазочку с конфетами, которая стоит на обеденном столе перевернутой. Притом, ни одна конфета не была съедена. Зато валялись по всей кухне! Словно кто-то ими играл. Мне это не понравилось, помнится, в детстве я такого не делала. Следовательно, напрашивался вывод, дома кто-то был!

Если и говорить о дурноте и самообладании. То тут самообладание покинуло меня, и дурнота подступила. Я представила, что кто-то пришел из тумана. И так жутко стало! Еще жутче, чем было вчера, когда я бежала до метро. Схватив зонт, я принялась расхаживать по комнатам, все ли на месте и нет ли где того самого, кто проник ночью. Все казалось опасным, даже стены! За каждым углом мой мысленный взор натыкался на какую-нибудь премерзкую тварь! Вскоре с поиском было покончено и, немного успокоившись, я пошла в душ.

Мне несколько полегчало. Я думала о том, что завтра смогу отправиться в школу. Мне хотелось уже вырваться из вынужденного заточения. Хотя я недолюбливаю преподавателей и сверстников, но с ними, несомненно, лучше, нежели наедине с невидимой тварью.

Около часа я провела у себя в комнате, читая книгу. Книга была жутко неинтересная, то и дело я порывалась ее порвать. Не будь она учебником по биоптике, так бы и поступила! В ней никого не вскрывали, не расчленили, не изучали. Простое, скучное и даже чересчур занудное описание! Никакой страсти! Я не думаю, что человек, который писал учебник, был еще жив, когда творил сие чудо. Наверняка нет! Вот так. Едва выбросив из головы все эти описания и усталые размышления, я пошла попить чаю. Твоего любимого, кстати. Заварив себе заварничек, я налила кружечку. И уже начала было пить, как увидела то, отчего колени у меня задрожали. Я-то думала, что с этим покончено, а все только начиналось!

Ты, папочка, прекрасно знаешь, как я не люблю сюрпризы. Но это был сюрприз из сюрпризов. Все мои опасения и догадки подтвердились. Хотя, в несколько ином свете. Увидев полуоткрытый холодильник и взяв заварник, я подошла поближе. Думала, если эта тварь в нем, то кипятком ей не помешает. А пока она будет корчиться на полу, я возьму нож и добыю ее! Осторожно подобралась и открыла дверцу, готовая в любой момент вылить горячий чай на непрошеного гостя.

Внутри никого не оказалось! Только следы от маленьких зубов на сыре и ветчине. Овощи и фрукты остались нетронутыми. Значит, это была крыса! Я уже давно не видела крыс, поэтому мне не показалось странным, что крыса открыла холодильник. Да и как она вообще это сделала! У меня даже стерлось из воображения, как они выглядят. Вообще, этот факт меня успокоил. Я не думаю, что глупое животное долго сможет оставаться ненайденным.

Вечером все было тихо, зонт лежал на месте и никаких шумов нигде не наблюдалось. Папочка, как бы я хотела, чтобы ты в такие моменты был рядом... Но это во мне говорит скорей усталость и сонливость, с тех пор, как ты приучил меня к самостоятельности, я не нуждаюсь в твоей помощи. Но, все же, приятно будет, когда ты вернешься. Знаешь, ты обязательно должен увидеть этого тупицу Генри. Он такой... Такой тупица! Вот увидишь! И в общем... уже поздно. Давай-ка и ты на подушку. Ведь усталость – лучшая подушка...

Дневник Генри Коуэлла. Запись пятая

День прошел безмятежно и даже грустно. Никаких нарушений распорядка. Никаких безумных погонь. Никаких драк. Никаких спасений. Зачем люди вообще живут? Кому нужна такая скучная жизнь? Удивляюсь этим слонтяям. Ведь так же можно и со скуки умереть. А многие живут себе и поживают. И не жалуются. Наверное, я быстро привык к этим приключениям и теперь даже грустно, что никого спасти не нужно.

Туман на улице стоит страшнущий. Плотная белая масса застилает все, кажется, ей нет конца. И не будет никогда. Вот взять руку и протянуть ее. Даже плеча не увидишь, не говоря уже о кончиках пальцев. Вот такой туман стоит. Опасный туман. Опасное время. А ты тут сидишь дома, и никакая опасность тебе не грозит. Страшно от этого. Страшно скучно! Хочется уже вырваться на свободу. Расчехлить фотоаппарат и начать снимать. А как тут снимаешь, никак! Ведь не видно же ничего. Если глаз не видит – Стаффи тем более ничего не увидит. Ох и привязался я к нему. Хорошая вещь, почти живая, почти родная. Ну, я, конечно, все это странно говорю. Как бы так попроще с вами изъясняться. Да ладно. Ну, родным он мне стал. Это, как если носишь долго что-то, то жалко расставаться. Вот была у меня в детстве рубашка, дак я ее так любил, что просил маму на меня ее надеть, даже когда вырос. Глупость полнейшая! А ведь было! Вот тут так же. Конечно, может я придумал что. Такого ведь у нормальных людей не случается? Ну, привязанности к вещам. Это называется как-то там... ну по-научному... Ладно, сами вспомните. Но у меня больше ни к чему привязанности нет, а вот к нему есть. Наверное, эту привязанность можно сравнить с привязанностью к домашнему зверьку. Он вроде и не говорит, а ты к нему всем сердцем. Милый и можешь погладить его, а еще он иногда вытворяет всякие невытворятности. Эх, и тут так же!

Алисия, наверное, сидит там и скучает. У меня совсем нет желания проверять это. Ведь, можно и не дойти. А тогда, кто потом будет приглядывать за ней. Как я заметил, живет она одна. Родителей нет, а амбиции и жажда крови зашкаливает. Вот так. Ладно, я не думаю же, что она сейчас бегаёт где-нибудь. Совсем я об этом не думаю, сидит дома конечно. Надеюсь на это. Хоть бы у нее хватило благоразумия. Надеюсь... надеюсь... А чего надеяться, я не думаю, что она настолько глупа, что вышла в туман. Я ведь видел, как она бежала от него. Он ее пугает. Наверное, это единственное, что ее пугает. Можно как-нибудь над ней подшутить... Хих.

Поскорее бы этот циклон ушел! А то так тоскливо и одиноко! Отец с Матерью куда-то смылись. Терпеть не могу, когда они так делают. Заранее уехали! А ведь знали, что я один останусь! Ох, ну и самовлюбленные же типы! Скоро завою тут от одиночества. Я уже с фотоаппаратом начал разговаривать, как прежде. Только спустя полчаса обнаружил, что сие занятие меня сильно увлекло, и заткнулся. Ведь так и спятить можно. А мне не нужно, чтобы я спятил. Логика и здравый рассудок. Ведь работают иногда!

Наверняка, завтра все уже рассеется и будет прекрасная погода! Снова дождь! А его я люблю!

Всем, кто меня может читать, дорогие воображаемые мной друзья, все вы спите сегодня самыми мокрыми снами! Мокрого сна вам... Я уже все...

Алисия Гровс. Дневник. Запись пятая

– Выходи, придурок!

Вы представляете! Он прикинулся, что не слышит!

– Я сказала, выходи! Если я сама выйду к тебе, то будет хуже!

Он вышел. В его глазах вот совсем ни капли стыда не было! Генри, надо же тебе было таким тупицей уродиться! А? Ах. Мучиться только с ним! Вот увязался же за мной. А зачем, спрашивается. Хочет опять в героя поиграть? Нет! мне совсем не жалко его, но ведь... на мне ответственность... Нет, нет! Какая еще ответственность? Он сам увязался, я не просила, пусть теперь выкручивается.

– Иди сюда, и иди на отдалении, чтобы, если кто нападет, ты не путался под ногами. Понял меня?!

Он кивнул. Ох... ну мог бы сказать что-нибудь. Надо же было додуматься просто кивнуть! Нет, я не желаю, чтобы он говорил: «Да, Сер!». Но мог бы промямливать что-нибудь для полноценности! Вот оно – племя зануд! Не жди от них оригинальности, серость! Сплошная серость!

Мы были уже в метро. В том самом, куда я спустилась, спрячась от тумана. В этот раз я решила пройтись по рельсам до первого поворота. Поезда здесь ходили не часто, поэтому можно было свободно разгуливать. Главное, найти какую-нибудь тварь и узнать от нее побольше. А потом прикончить ее. Чем меньше слухов среди них, тем мне безопасней. Вообще, с тех пор, как мама исчезла, я стала какой-то смелой. Раньше темноты боялась, а сейчас я готова разорвать ее в клочья. Наверное, это из-за того, что я не могу простить им этого... А кому это им? Да, думаю, что это слизни. Но они же ни в какую не хотят признаваться. А смысл им лгать, если я их все равно прикончу. Дурни! Ладно... что-то я не о том думаю...

– Алисия!

Генри схватил меня за талию и затащил за угол.

– Что ты делаешь, идиот!

– Тсс...

Удивительно, я послушалась. Не знаю, что на меня нашло. Спустила минуточку мимо промчалась кукла. Она была страшная – изорванный плащ, грязная, рваная шляпа и свернутая деревянная челюсть. Жуткое зрелище!

– Кукловод рядом...

Я уже представила, как разделяюсь с ним. За углом, где мы спрятались, был узкий темный проход. Куда он вел, я не знала, но оттуда сквозило. Смысла идти за куклой не было. Эта тварь могла легко нас поймать. Поэтому я вошла в проход, а чертов Генри последовал за мной. Я чувствовала себя, как на выгуле собак. Несмотря на то, что питомец был выше меня, он оставался всего лишь подчиненным мне животным.

Папуля, надеюсь тебе понятны мои образные выражения? И не кивай, если не понимаешь. Ты мне этим не угодишь, говори прямо. Чего вилить! Конечно, ты не можешь все это слышать, но я рада, что ты там, в будущем, скорее всего, это читаешь.

Я пробиралась наугад, под ногами была твердая каменистая поверхность. Большая часть подземных сооружений города выдолблена в скале. И большая часть так и не разведана. Ну не мы долбили же! Город древний, кто долбил, того уже нет. И не спросишь сейчас, чего они кроме веток метро выдолбили! Нравилось им что ли?

Зонт хорошо помогал ориентироваться в полной темноте. Я простукивала им пространство. Отец, ты наверняка думаешь, что мне было страшно. Да, ты прав. Я думала, что этот тормоз, который шел позади, споткнется и упадет на меня. Это единственное, что меня беспокоило. И ты знаешь что? Ведь все почти так и произошло. Он споткнулся о выступающий

камень, и как грохнется! Я упала следом за ним. Вот гадость! Я упала на что-то мягкое, и на мгновение меня пронзил страх, но я тут же смекнула, что упала на слизня.

– Кто здесь? Кто? Кто здесь?

Он заскрежетал старческим голосом, так что слушать было противно, и начал выползать из-под меня. Генри в это время поднялся и страшно извинялся, чем сбил меня с толку. Я треснула ему зонтом. Не знаю, куда попала. Но он заткнулся так же неожиданно, как и начал приносить извинения. В это время слизень уже был где-то в конце коридора, если конечно это был его конец. Я погналась за ним, он свернул в проход справа. Старческие причитания было хорошо слышно. Через десяток шагов я оказалась в слабо освещенном помещении. Маленьком таком, и противном. И тут Генри вновь споткнулся и упал на меня. Теперь мое лицо оказалось в дюжине слизней поменьше, они завизжали, как испуганные дети. Я завопила на Генри!

– Еще раз ты так сделаешь, и я прикончу тебя! Ты понял! Ты понял!

Я уже не контролировала себя, мой зонт опустился ему на голову, от чего он зажал ухо. Я была в ярости. Но быстро забыла о неудачнике и повернулась к слизням, оказавшимся в ловушке. Впервые в жизни я видела семью. Самую настоящую слизнявую семью! Старый отец стоял в центре комнаты, а позади него копошилась дюжина слабо светящихся слизняков поменьше. Было бы здорово взять парочку с собой, фонарики нам не помешают. И почему старые особи не светятся, можно был бы их подвешивать вместо фонарей!

– О, дети слизни!

– Генри, заткнись!

Я крутанула зонтом в руке пару раз и приставила кончик к старому слизняку:

– Ну, что ты скажешь в оправдание?

Он запричитал:

– Кто ты, я не знаю тебя. Уходи отсюда. Мы не звали гостей.

– Я Алисия. А ты гадкий сноб! Ты наверняка знаешь что-нибудь о моей матери!

– Уходи отсюда. Здесь небезопасно находиться людям. Склидлл узнает и прикончит тебя и нас! Убирайся!

– Ты не слышал моего вопроса?

Я треснула ему хорошенько.

– Мы не водимся с людьми, и ничего не знаем о них. Пожалуйста, не надо накликать на нас смерть!

Меня всегда бесила неразговорчивость слизней и их тупой нрав.

– Хорошо, я не буду накликать на вас смерть. Я сама стану ею для вас.

Взяв зонт поудобнее, я размахнулась как следует, предвкушая как эта тварь разлетится кусочками желе по комнате. Моих ушей коснулся возглас деток, они запищали, словно им и вправду было жаль папочку слизней. Отвратительные существа! Генри запричитал позади меня, что это негуманно! Бедолага! Я зажмурила глаза и устремила зонт в воображаемую точку снизу, которая от такого силы удара должна была в тот же момент исчезнуть с лица земли. Но этого не случилось, зонт вонзился во что-то твердое. Я закипела! Если этому идиоту Генри жалко мерзких слизней, то чего он тогда с гусеницей так расправился, ему совсем ее не было жалко. Открыв глаза, и ожидая обнаружить его под зонтом, защищающим уродливых существ, я очень удивилась. Меня ошарашило то, что я обнаружила перед собой.

Я видела много удивительных вещей в нашем городе. Он особенно отличается от тех городов, куда ты меня возил, Отец. Ненавижу лето, ненавижу солнце и ненавижу жару. Кажется, все самое хорошее и незабываемое им выжигается напрочь. Вот наш город – это удивительное место. А те жалкие пустыни, где мы были. Они навсегда останутся жалкими. Солнце не оставляет места удивительному. Что-что, а к удивительному я привыкла. Знаешь, как и к обыденности. Но это превзошло всякие рамки! Даже Генри опешил, а ведь он вообще спокойный, даже когда его лупишь, а тут вылупился, словно только что проснулся. Он уставился на это созда-

ние, что склонилось перед слизнем, защищая его. Я с ужасом наблюдала, как что-то хорошо знакомое закрывало гадкого слизня. У меня сердце заколотилось. Ожидание того, что может произойти сковало меня. Ужас.....

Папочка! Это необъяснимо. Этого ты точно не испытывал! Перед собой я увидела свою копию. Знаешь, все в точности такое же, как у меня. Единственное, я еще надеялась, что это не так. Что, когда она повернется, то лицо у нее будет не мое. Но надежда рассеялась, когда она повернулась и в гневе, со слезами сказала мне, чтобы я убиралась вон! У нее было мое тело, мое лицо и мой голос! У меня свело живот. Дурнота подступила. И сделав несколько шагов назад, споткнувшись о Генри, я вышла прочь, пробираясь к выходу по темноте туннеля. Меня стошнило за первым поворотом, хорошо, что этого не видел этот псих, который все еще следовал за мной.

Отец, ты знаешь. Мне и до сих пор дурно. Я не понимаю, что это и как это. Но эта мерзость, эта кучка разумных слизней стала мной. Наверное, по этой причине меня и тошнило. Я представила на секунду, как они ползают у меня в животе. Брррр... Отвратительно. Надеюсь, сон прогонит плохие мысли. Я бы хотела разозлиться, но не могу. Было бы лучше, если б я злилась, но... не выходит...

Спокойной ночи, папа, пожелай мне счастливого плавания, как ты это делал... спи...

Дневник Генри Коуэлла. Запись шестая

Дорогой читатель, у меня начинается активная неделя утомленно-маленького времени. Ах, хоть бы ты понял, ты, невидимый читатель, что у меня происходит. Я пишу очень быстро, так что у меня могут возникнуть проблемы с адаптацией моих тяжеловесных мыслей для твоего столь изысканного слуха. Послушай меня, наконец. У меня начинается неделя утомленного времяпровождения. Или, если проще, то контрольная неделя в школе. Это последняя неделя перед каникулами, и мне предстоит сделать все, чтобы сдать ее. Я не хочу на каникулах бегать в Ствидвирдоф и сдавать все бестолковым преподавателям. Я их, конечно, люблю, но, бывает, недолюбливаю. Сами причину, догадываюсь, знаете. Они могут и проставить все оценки, как ты хочешь, то есть, сделать по-своему. Следовательно, мне нужно как следует постараться!

Я вот недавно только вернулся, Алисия очень утомила меня. Всю дорогу назад шаталась как пьяная. И что с ней стряслось. Ах, вы бы знали, вы бы знали. В общем, нет особо времени на эти слюни. Нужно описывать как есть. Да, я восхищаюсь Алисией и ее смелостью, но ухо у меня серьезно распухло. Это выглядит смешно. Надеюсь – это не повлияет на мои оценки. Ах... время. Я вообще-то не любитель жертвовать сном. Тем более, нужно рано встать и подготовиться по Биоптике и вообще я теряю с вами время. Вот если бы не ценил вас, то бы не терял. А Биоптику и сон я тоже ценю. Ну не могу я разорваться, уж извините, вот поэтому спешу. Ну, не нравится мне лицемерие. Поэтому говорю как есть и есть, как говорю.

Она умудрилась наткнуться на слизня. Но он был с детками. А они вытворили такую штуку, что я прямо в шоке. Они стали ей. Мы изучали в старших классах, что такое бывает. Но рассматривали это как миф. А тут бац тебе. Вообще, редко кто видел слизней с потомством – никому это не нужно, а тут еще и трансформацию. Мне вот интересно – когда мы ушли, малыши вновь стали маленькими слизняками или нет. Или эта копия Алисии там осталась. Жалко ее, коли она там. Вот если бы я слизнем вдруг стал, я бы не знал есть мне что, и как согреться, и нужно ли мне согреться, и много– много других вещей. Вообще жалко будет ее, если она там одна останется. Да чего это я... да люблю я вас, вот и ценю.

Ах, неделя! Контрольная неделя!

Мы еще увидимся, пожелайте мне Биоптику сдать на все, а то я буду реже и мельче писать.

Алисия Гровс. Дневник. Запись шестая

Контрольная неделя успешно началась. Я набрала максимальное количество баллов сегодня. Задача была непростой, но мне все удалось. Поздравь меня, Папочка. Твоя дочь достойна похвалы. Кажется, учеба, это единственное место, где я прекращаю злиться. Чтобы запомнить всю эту мутную воду, которую дают нам в школе, мне приходится напрягать мозги по полной! Но я справляюсь. Ведь я самостоятельная у тебя!

Не успела я расслабиться от экзаменов, как вновь повязла в неожиданности. Помнишь, Отец, я рассказывала тебе вчера о слизняках и девочке, которая там появилась. Я уже думала забыть эту историю. Но не тут то было! Она сама напомнила о себе. Ох уж я и разозлилась!

Ты представляешь, иду я по улице, под зонтом. Все хорошо. Хотя на дворе осень, погода стоит теплая. Все достаточно хорошо. В дневнике у меня прекрасные оценки – никаких поводов для злости. Я даже не думала о Генри! Понимаешь, шла себе домой совершенно спокойная. После душа намеревалась заняться подготовкой к завтрашним контрольным, а тут на тебе! Иду по улице и вижу, что девочка стоит без зонта. Думаю, ну ладно, стоит и стоит. Иду дальше. Хоть и не смотрю на нее, но чувствую, как она взглядом следит за мной. И что-то в этом знакомое показалось. Я все ближе и ближе подхожу и понимаю, да это же я! И платье, которое вчера на мне было, такое грязное, что аж противно. А она на меня невинными глазами смотрит и делает шаг на встречу. Я презрительно фыркаю и делаю шаг в сторону, чтобы пройти незамеченной. А она за мной следует. И молчит. Я понимаю, она что-то сказать хочет и не может. Ну, думаю, глупые слизни! Совсем говорить разучились, поворачиваюсь и кричу на нее! Хотела услышать от нее, что же она тут делает?! А она молчит и дрожит. Да так дрожит, что, кажется, я слышала, как у нее зубы стучат. И так противно стало! Я не знаю. Если бы это был человек, я бы пожалела ее, а это же был слизень! Ну и что, что он мою форму принял, какая разница, это ничего не меняет!

– Приюти меня. Ты должна.

Сказала она мне, а у самой слезы наворачиваются.

– Ничего я тебе не должна! Вы сами виноваты, что стали мной!

Я развернулась и пошла прочь. Мне до дома оставалось дойти пару сотен метров.

– Ты превратила меня в себя! Как ты можешь?!

Мне так неприятно стало, и я снова повернулась к ней и закричала.

– Убирайся прочь! Я тебя не знаю, и не будь ты сейчас мной, то я бы... я бы... я бы прикончила тебя!

Снова развернулась. Ускорила шаг, чтобы не видеть и не слышать ее. Ох уж эти слизняки! Да, знаю... Папочка, я должна быть вежливей и проявлять сострадание... Но она же не человек! Тем более... Все, закроем эту тему.

Так вот, я пошла домой и уже повернула за угол, осталось всего сто метров и тут меня осенило. А если мои одноклассники или учителя увидят, как я разгуливаю по городу в грязном платье, растрёпанная и вообще! Я же от стыда потом свихнусь! И как мне такая идея раньше не пришла? Я еще больше разозлилась, только теперь на себя, нужно было сразу ее с собой взять, а то я рискую получить гору проблем!

Ты представляешь, я выбегаю из переулка, а там Генри, укрыв меня своим пиджаком, уводит куда-то. В смысле, ту меня, которая слизень. Я чуть было не взорвалась от гнева, как он может! Я свернула зонт и погналась за ними. И, догнав, потребовала, чтобы он отдал мне мою собственность.

– Алисия, мне твоя сестренка сказала, что ты отказалась от нее.

Знаете, Генри сказал это с таким довольным тоном, словно только что сорвал джек-пот.

– Придурок! Раз это моя сестра, значит у меня на нее прав больше чем у тебя! Убирайся!

– Нет-нет. Давай спросим у нее. Что ты на это скажешь?

Я даже постаралась улыбнуться, не очень-то хотелось, чтобы Генри получил меня в распоряжение. Даже, если он будет хорошо со мной обращаться, то это будет еще хуже, нежели найди меня на улице мои одноклассники!

– Я пойду с сестренкой.

Я вздохнула с облегчением.

– Ты сделала правильный выбор.

Генри сказал это с такой вежливостью, что мне захотелось врезать ему еще раз.

– Пойдем!

Я уже взяла ее за руку, чтобы отвести домой. Но Генри не отпускал ее.

– Что ты собираешься делать, Алисия? Что ты будешь с ней делать? Не опасно ли мне отпускать ее с тобой?

– Да что ты можешь знать! Отпусти ее и позволь мне сделать все как нужно!

– А как нужно для нее, Алисия? Скажи мне!

Вот змей, я уже промокла наполовину, а он тут прикидывается святошей! Нашел о ком заботиться! О себе бы позаботился, мерзкий тип!

– Я... Я...

Я и вправду не знала, что буду с ней делать. Что за ситуация! И в голову ничего не шло!

– Я переодену ее и уложу спать.

– Ты не поняла меня, что ты будешь делать вообще? Где она будет жить, у тебя?

Меня все это достало.

– Ну, раз ты такой умный, то сам разбирайся с ней! Любитель слизняков!

Не знаю, что на меня нашло. Просто вывел он меня своей болтовней, не люблю болтать, люблю действовать. Я повернулась и направилась домой.

– Алисия, я отправлю ее в пансионат, ты не беспокойся.

– Да плевать я на вас хотела!

– Все будет хорошо, никто и не узнает...

За поворотом, наконец, воцарилась тишина. Я промокла, я разозлилась и еще эта холодная рука из головы не выходила. Я взяла ее за руку и поняла, знаешь, она совсем как человек. Бррр... Жутко. Словно это и не слизень вообще. А человек, понимаешь, Папочка? Ты не пове-ришь, мне даже стыдно стало за себя.

Да и сейчас чувствую, словно бросила кого-то. Вот глупость!

Кстати, крыс дома никаких нет! Все чисто!

И спокойной ночи, пусть твои корабли всегда приходят в гавань...

Дневник Генри Коуэлла. Запись седьмая

Итак! Приступим. Сегодня я опять в дефиците времени и внимания к вам, мои невидимые, но оттого не менее реальные, читатели. Я очень рад, что, наконец, сдал эту Биоптику. А это надо было постараться! Да, да, да! Как следует! Но скоро мне опять готовиться. Я сегодня много времени провозился с одной девушкой, и это меня не только вымотало, но и выпило мое время! По порядку...

На Биоптике я услышал от профессора одну штуку. Оказывается, эти самые слизни в молодом возрасте могут трансформироваться в живых существ. Абсолютно разных, насколько было известно профессору. Он задумался, а потом изрек – достаточно крохотной части генетического материала и хотя бы какой-то эмоциональный толчок от его обладателя. И тут у меня вся головоломка в голове-то и сложилась. Выходит, что Алисия создала свою копию. И эта копия – уже и не была слизнем. Насколько я понял по рассказам профессора – трансформировавшийся слизень более не является представителем своей расы. Поэтому их так берегут?! Я вот никак не могу понять, если у слизняков есть возможность стать представителями высшей расы еще при рождении, то чего они тянут. Могли бы выбрать себе кого угодно и очень бы быть этим довольным. Но мои рассуждения прервала последняя реплика – но они не могут вернуться назад, они не могут трансформироваться наоборот, они навсегда утрачивают эти функции.

Я загорелся желанием как можно скорее расквитаться с экзаменом и бежать, бежать, бежать! Нужно было найти эту копию, насколько я понимаю, слизнякам она не нужна. Да и не смогут они за ней ухаживать, слишком уже подземка непригодное место для девушек. А куда идти? После сдачи я побежал в подземку, спустился и начал осматривать рельсы, которые вели в направлении логова слизняка. Одному идти туда не хотелось, да и жутковато было. Поэтому я лишь с тоской поглядел вдаль. Эх... И тут мое внимание привлекли следы. На пыльной поверхности перрона, рядом с нашими следами, были небольшие следы человеческой ноги. Стало понятно, что это копия Алисии выбралась. Но чего она искала и куда направилась. Я не удивляюсь, что ей захотелось банально перекусить. Но куда ей идти, ведь она даже не была на поверхности, куда она пойдет? Ох... Вот и задачка.

Я решил прогуляться до дома Алисии, может быть, каким-то чудом, ее копия окажется там. И действительно, когда я уже подходил, я заметил, как Алисия презрительно смотрит на свою близняшку. После того, как она ушла, я накинул на двойника пиджак и уже собрался увести с собой, как «настоящая» вернулась и устроила мне скандал. Но, к удивлению, мне удалось отстоять ее «сестренку» и, после непродолжительной перепалки, я отвел ее домой.

Мама и Папа потешались надо мной. Ох и веселье же у них было. Не было их дома, а тут заявились, и давай подшучивать! Говорили, что верно они подметили, насчет детей и тому подобного. Алисия смотрела на них, как зачарованная. Она ничего не понимала и только кивала, когда мама задавала ей очередной глупый вопрос. Я сказал, что больше терпеть этого не намерен, и мы поднялись ко мне. Мамуля принесла чистое платье и помогла Алисии переодеться. В это время я объяснил Папе ситуацию. Он долго хохотал... Я заливался краской в это время. Ох и любители же они поиздеваться над сыном! Мне захотелось уехать за город к дедушке и бабушке, только бы не испытывать этого позора на мою голову.

В итоге, мы решили отправить к Старцам не меня, а Алисию. Они сказали, что скажут деду, что эта наша кузина. Ну, в общем, наплетут чего-нибудь. А мы сможем навещать ее на каникулах или в другое свободное время. Но когда мы управились со всеми делами и поужинали, то у меня едва оставалось время на подготовку к занятиям и сон. Хорошо, что мама взяла на себя все заботы о бедной близняшке. А то бы меня совесть замучила...

Я еще готовиться сейчас буду, а вам, тем, кто меня читает, всем спокойной ночи!

Давайте уже, Спать!

Алисия Гровс. Дневник. Запись седьмая

Ух! Как я эмоциональна! Вот и надо же мне было такой уродиться! Пока другие девочки плачут, я злюсь и нервничаю. Вообще-то я редко нервничаю, я злюсь. Да, это разные вещи, Папочка! Совершенно разные вещи. Можно злиться и получать удовольствие, как и при отмщении! Представляешь!?

Я тут сегодня книжечку читала, и там было немного про меня. Вообще-то там это называлось – психическим расстройством. Но ведь ты не думаешь, что у меня психическое расстройство, ведь этого просто не может быть. Вот в зеркало сейчас только смотрелась, совершенно здоровая дочь! Я серьезно! И почему там всякую ерунду пишут? Брррр... Так, я спокойна. Я спокойна. Нет... это не по школе, это я сама нашла. Хотела успокоиться и прийти в порядок. Просто успокоиться и прийти в порядок.

Вообще, контрольная неделя у меня весьма и весьма успешна. У меня все сдано и все отлично. Я должна быть на десятом небе от счастья, в отличие от этих паразитов, которые и на 80 баллов едва наскрибают! А тут все же наоборот! И почему мир так несправедлив? Почему же? Почему...

Дома у меня все хорошо было сегодня, да... да, все было хорошо. Вот именно! Что все БЫЛО хорошо. Я начала замечать, что мои вещи меняют свое местоположение без моего ведома. Притом! Это все происходит именно тогда, когда я дома! Представляешь!

Так, все... нужно уже эти восклицательные знаки переворачивать, а то ты же читать меня нормально не сможешь.

У меня на сердце как-то не так. Это все из-за этого слизняка, что стал мной. Вообще, я надеялась, что все будет хорошо. Что меня не будут тревожить эти мысли... ну ты понимаешь, о том, что она человек. А тут же все иначе. Я не могу с этими мыслями справиться. В другом случае я бы просто не обратила на них внимания. А здесь, такое ощущение, что я сделала что-то противозаконное и суд в голове хочет упрятать меня в тюрьму. У меня никогда такого не было. Быть может... когда я конфеты прятала под ковер, но это отдельный случай. Ты помнишь, как я ныла тогда? Ах, да! Раскаяние! Вот оно, я сейчас думаю, верно ли я поступила со слизняком-человеком или нет.

А вещи все же меняют свое местоположение. Особенно одна вещь. Она притягивает самое большее внимание у невидимой крысы или того сумасшедшего существа, которое переставляет ее постоянно. Обычно, я кладу зонт в подставку, там он просыхает и вновь готов к работе. Но, теперь я не обнаруживаю его в подставке, он может находиться около нее, на кухне, в туалете или ванной, у порога или посреди лестницы, но только не в подставке! Если раньше такого не было, то теперь это все участилось! Я уже хотела его рядом держать, но и это не помогло. Стоило мне вздремнуть, как он опять исчез из моего поля зрения!

Ты удивляешься, почему я не злюсь? Почему я не боюсь, кто же этот таинственный монстр, который играет с зонтом? Да потому, что все сошлось. Папа... тяжело это признавать. Но стоит это сделать...

Ах, да! Еще эта мерзкая девчонка! Я в книжке по Биоптике наткнулась на статью. Она человек! Понимаешь, полнокровный человек. Поздравляю, у тебя две дочери! Я, конечно, не знаю, как это на законодательном уровне определяется все, но факт остается фактом. Вот она, совесть то! И гложет меня со вчера! Я мозгами не могу принять сего факта, а сердцем признала его, вот отсюда и проблемы. И чудовищно я вчера поступила с ней, знаешь, как пройти мимо умирающего, хотя, ведь можешь помочь. Надеюсь, мне не придется гореть от стыда, когда ты это будешь читать! Совесть, отпусти меня!

Эх... Я лунатик. Пришло время признать и это!.. Наверное, я отключаюсь на некоторое время и делаю странные вещи. А это все из-за переутомления или злости. Это сложно признать, но это так. Я. ЛУ НА ТИК!!!

Хорошо, что придурок Генри забрал ее к себе. Надеюсь, там ей будет лучше, чем со мной. Ты же видишь, что со мной происходит, Отец. Но, пока я жива. И это радует. И от лунатизма я особо не страдаю. Ну и что, что зонт меняет свое местоположение. Разве это плохо?

Да, и зачем лунатику зонт? Да и какой-то я лунатик неправильный, ведь у нас луны то никогда не видно из-за дождя и туч.

Спокойной... пусть корабль твой безмятежно скользит по волнам... и затрещину дай Филиппу! На ночь.

Дневник Генри Коуэлла. Запись восьмая

Ох, мои невидимые читатели! Я вынужден сообщить вам снова, что ввиду того, что у меня катастрофическая нехватка времени, то я буду максимально сумбурен и достаточно краток. Так уж выходит, что каждый день знаменуется у меня с каким-то выдающимся открытием или делом, которое пожирает все мое свободное время, которые бы я уделил вам и, скажем, учебе! А тут нужно как следует попотеть. Ведь говорят, что талант – это 1 % таланта и 99 % пота. Удивительно, да? И ничего удивительного тут нет! А если вы все еще просиживаете все свое время в поисках совершенного будущего, но палец о палец не ударили для того, чтобы его создать. То у вас в руках окажется незавидное сокровище. Вернее, наоборот. Вы поняли.

Это мне сегодня папаша втолковывал в голову, пока мы домой шли. Он неожиданно решил проконтролировать мою учебу. После окончания уроков пришел в школу и давай по учителям меня таскать! У него юмор такой. Я сначала подвоха не ожидал. Ну, зачем ему это все затевать? Я думал, как нормальный, адекватный отец, он решил в школу сходить, чтобы проверить мои отношения к преподавателям, их отношение ко мне, мои оценки, наконец. Он беседовал со всем и у всех спрашивал обо мне. Даже у моих одноклассников! Знаете, ему не занимать в болтливости! И к чему это все привело? К тому, что у меня щеки до сих пор пылают. Такое чувство, что тебя выставили полным идиотом! Ага... Преподаватели то думали, что у него глубокий интерес к ним и их предмету, а так же к их мнению обо мне. А я-то видел, как он потешается над ними и надо мной. Удивительный человек! И что с ним делать?! Отец же...

Так он мне мозги по дороге домой и промыл, про пот и про талант. Он все с юмором делает, да и понятно все. Знаете, не навязывает, а в голове остается. И он постоянно улыбается. Я редко вижу его в задумчивости. Он только в кабинете у себя хмурится, когда с делами разбирается. Но, у него словно рубильник внутри, что ли. Когда выходит из кабинета, у него бац – и нету хмурого лица. И даже тени того, что он чем-то недоволен. Это удивительно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.